

**Дружба
народов**

12/2022

**ЛИТЕРАТУРА
НАРОДОВ РОССИИ
ПРОЕКТ АССОЦИАЦИИ СОЮЗОВ
ПИСАТЕЛЕЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ**

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

12'2022

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.09.2022.
Подписано в печать 24.10.2022.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ 3608/22. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР

Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА

Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Ольга
ЛЕБЁДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Илья
ОДЕГОВ

Валерия
ПУСТОВАЯ

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Александр
ЧАНЦЕВ

ЭЛЬЧИН

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИИ

Проект Ассоциации писателей и издателей (АСПИ)

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Зарина КАНУКОВА. Чтоб вырастить звёзды. Стихи. С кабардинского. Перевод Ирины Ермаковой.....	3
Мелитон КАЗИТЫ. Алмас. Повесть. С осетинского. Перевод автора	8
Аскер ДОДУЕВ. Время — грозный султан. Стихи. С балкарского. Перевод Александра Пряжникова и Ксении Нагайцевой	65
Айбулат СИСАНБАЕВ. Со строкой один на один. Стихи. С башкирского. Перевод Ольги Сафроновой	68
Диляра ЮСУПОВА. Дом № 58. Повесть в новеллах	70
Фарзана АКБУЛАТОВА. И полёт твой не прервётся. Рассказ. С башкирского. Перевод Найли Акбулатовой	85
Исропил ТАТРИЕВ. Иду за мечтой. Стихи. С ингушского. Перевод Юрия Щербакова	102
Есугей СЫНДУЕВ. Невыдуманные рассказы	104
Хаджи-Мурат ТАИБОВ. Зов моей земли. Стихи. С табасаранского. Перевод Юрия Щербакова	124
Олег АМГИН. Рассказы-притчи	128
Любовь АНУФРИЕВА. Из цикла «Клубки времени». Стихи. С коми. Перевод Андрея Расторгуева	142

МИФЫ И СКАЗАНИЯ

Сказания о даредзанах. Осетинский эпос в переводе Игоря БУЛКАТЫ	145
---	-----

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Магомед АХМЕДОВ. Исповедь сына гор	155
--	-----

НАЦИЯ И МИР

Самира АСАДОВА, Татьяна АСАДОВА. Весёлые праздники чаучу. Рассказы.....	185
---	-----

СЕКРЕТЫ РЕМЕСЛА

Виктор КУЛЛЭ. «Стиль дискуссии важнее предмета дискуссии». Разговор ведёт Юрий Татаренко	209
---	-----

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. Дети собрались у Божьего престола	225
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. «Русский уклон»	240
--	-----

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Валерий ШУБИНСКИЙ. Время быстрое и время неподвижное (Л.Шевченко. «Забвению в лицо»)	244
Ольга БАЛЛА. Ложится тьма густая (В.Ермолаев. «Движение на закат»)	246
Елена САФРОНОВА. Слово как хлеб (Г.Калашников. «Ловитва»)	250

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Эпоха клоуна	254
----------------------------------	-----

Годовое содержание журнала «Дружба народов» за 2022 год	257
---	-----

Евгений Абдуллаев

«Русский уклон»

Очень хочется говорить о книгах. Именно сейчас, когда все обсуждают новости — даже те, кто раньше ими не интересовался. Кто прежде обсуждал книги и фильмы. Цвет времени поменялся. Теперь обсуждают не книги и фильмы, а короткие, как автоматная очередь, строки военных аналитиков и видеорепортажи. Тоже, естественно, военные.

В книжных, однако, многолюдно. Сужу по нижегородскому «Дирижаблю» и московскому «Библиоглобусу», в которых побывал в начале октября. Люди разных возрастов ходят среди книг, листают, тихо разговаривают. Удивительно.

Людам еще для чего-то нужны книги.

«Русский иероглиф» Александра Архангельского¹ и «Ак Буре» Рената Беккина², о которых пойдет речь, выбраны для этого разговора не случайно.

Книги эти очень разные.

«Ак Буре», как и следует из подзаголовка («Крымскотатарская сага») — про крымских татар (и еще — про казанских), а «Русский иероглиф» — про китайцев. Первая книга — роман, вторая — нон-фикшн. И жизнь китайской русистки Инны Ли, дочери крупного партийного деятеля КНР, в «Китайском иероглифе» совершенно не похожа на приключения и злоключения сына крымскотатарского диссидента из «Ак Буре».

Но то, что эти книги объединяет, кажется важным. И для современной русской литературы, и для современного российского (и не только) общества.

Любой конфликт рождается из непонимания и обостряет непонимание. Прежде всего, как нежелание понять. Ни самих себя, ни *другого*. Особенно, конечно, *другого*. Религиозного, идеологического, социального, этнического...

Литература — это служба понимания. Не только, разумеется. И не всегда. Автор может транслировать через текст и свое непонимание. Свои этнические (религиозные, социальные, бог-весть-какие) стереотипы и фобии. Примеров, в том числе и в классике, предостаточно.

Бывает и другая крайность — когда попытка понимания *другого* подменяется простым формальным «введением» его в текст, ради каких-то вне-литературных целей. Мультикультуральных, например. Нужен для разнообразия один «не наш»? Пожалуйста.

Хотя — уж лучше так, чем вообще никак.

Шесть лет назад я сетовал на этническую пресность современной русской прозы («Дружба народов», 2016, № 4). На то, что крайне редко в ней встретишь в главных героях представителей других этносов.

¹ Архангельский А. Русский иероглиф: История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.

² Беккин Р. Ак Буре: Крымскотатарская сага. — СПб.: «Блиц», 2021.

За прошедшие годы разнообразней она в этом смысле не стала.

«Русский иероглиф» и «Ак Буре», при всем их различии, эту лауну немного заполняют. И крымские татары, и китайцы — вообще редкие гости в русской литературе. Даже в качестве «массовки». Не говоря уже о главных ролях.

Лучший способ понять другой народ — почувствовать его точку боли.

Депортация крымских татар из Крыма в 1944 году.

«Культурная революция» в Китае в 1967—1977 годах.

Искандер Исмаилов в «Ак Буре», преподаватель арабского (тоже не слишком частая в русской прозе профессия) пытается узнать правду о своем отце — активисте крымско-татарского движения по возвращению в Крым. Кем был его отец — героем или предателем и пособником госбезопасности?¹ Ответ так и не будет найден.

Если отец Искандера, Айдер Исмаилов — фигура вымышленная, хотя и имевшая реальные прототипы, то отец Инны Ли, Ли Лисань — вполне реальная. Крупный партийный деятель, соратник Мао, затем его оппонент, погибший в годы «культурной революции». Это определяет и участь его семьи. И сама Инна, и ее мать, и младшая сестра оказываются в тюрьме, после которой Инну отправят в глухую китайскую деревню на «перевоспитание»...

Так, через погружение в историю семьи, по которой прошелся катком тоталитарный проект, происходит соприкосновение с *другим*. Другой историей, другой культурой, другой психологией.

Особенно в «Русском иероглифе». Китайский быт времен «культурной революции» — при всех аналогиях с советским — все еще малоизвестен и порой экзотичен.

Вот сосланным на идеологическую перековку студентам разрешают, наконец, вернуться в Пекин. «...Ехали со своим скарбом — и каждый вез коромысло. Потому что на юге коромысла сильно отличаются от северных. Те почти прямые, как палка, и очень тяжелые, натирают плечи, а на юге бамбуковые, эластичные, и еще у них есть изгиб, они пружинят в такт твоей ходьбе. С таким коромыслом расставаться глупо, все равно еще придется ездить в деревню, пригодится».

Или другой эпизод — Инна Ли идет перед свадьбой к знакомому парикмахеру. Но тот наотрез отказывается делать ей укладку. «— Нам разрешается ее делать, только если есть рекомендательное письмо, что это нужно или для выезда за границу, в командировку, или для выступления в театральных постановках. — Но у меня свадьба! — Я феном пройду, волосы немножечко подниму. На большее просто не имею права».

Судить по этим сюжетам о Китае и китайцах, конечно, не стоит. Но что-то совершенно *иное*, даже по сравнению с кафкианством советского быта, в этом есть.

В «Ак Буре» тема *другого* — не только этническая, но и религиозная. Связано это с тем, что Искандер Исмаилов — напомним, главный герой «Ак Буре» — верующий мусульманин.

«Он с детства знал, как совершать намаз, еще до того, как научился угадывать смысл произносимых им арабских слов. Люди вокруг Искандера склонялись к ласковой шерсти ковра, чтобы вслед за тем возвыситься над окружающим пространством и с минарета человеческого тела восхвалить Единого Бога».

Исламская тема у Беккина-писателя напрямую связана с исследовательскими интересами Беккина-востоковеда, специалиста по мусульманскому праву. Возникла она еще в его первом романе «Ислам от монаха Багиры».

Тоже — не очень частая в современной русской прозе тема.

---

¹ На память сразу приходит известное «Исправленное издание “*Harmonia caelestis*”» Петера Эстерхази.

Впрочем, отношение к исламу — точнее, к его «истеблишменту» — в «Ак Буре» далеко от апологии. Так, муфтий Динар хизрет оказывается в прошлом осведомителем госбезопасности (и одним из виновников злочлчений отца Искандера). А сам Ак Буре — Белый волк — могущественный оборотень, бывший правой рукой Андропова, — теперь стал чем-то «заместо шейха суфийского»... Хотя и православный «истеблишмент» тоже представлен в «Ак Буре» без большого сочувствия.

Роман вообще получился политически заостренным. Что, возможно, и объясняет, почему он был дружно отвергнут крупными издательствами и вышел в небольшом питерском «Блице».

Но сейчас разговор не о политике (хотя любой разговор сегодня — так или иначе о ней). Хочется договорить о теме *другого*.

Если бы обе книги были только о *другом*, о *других*, о чужом и незнакомом опыте, это было бы, наверное, не так интересно. Но герои этих книг — как и их авторы — это не просто *другие*. Они находятся в позиции двоемирия, пытаются (если использовать образ из «Русского иероглифа») усидеть на двух этнокультурных стульях. Одна из рецензий на «Русский иероглиф» так и называлась, «На границе двух культур». Мать Инны Ли происходила из дворянского рода Кишкиных, а родным языком Инны с детства был русский. Кто же она — китаянка или русская?

«...Лет в восемь-девять у нас образовалась компания детей от смешанных [русско-китайских] браков. И мы стали задумываться: а кто же мы такие? Попробовали называть себя *русакиты*, но выражение не прижилось, а позже придумали более подходящее слово — *китарусы*. И все встало на свои места».

Встало — но не полностью. В конце книги снова возникает тот же вопрос. «Что касается того, кто я в итоге этнически и культурно — русская или китаянка... Был у меня китарусский период, был китайский, сейчас я нахожу такой ответ: я китаянка с русским уклоном».

В этом же смысле и Искандер Исмаилов — крымский татарин с «русским уклоном». Он тоже двоемирен. Родной язык для него, выросшего в Ташкенте, русский. Оказавшись в казанской мечети, он не понимает проповеди, произносимой на казанско-татарском, и ему начинают переводить ее — понятно, на какой.

Проблема «русский — не русский», «Россия — не-Россия» остро стоит и для тех, с кем сталкивает Искандера извилистый сюжет романа. Например, для чернокожего батюшки Гурия, который оказывается на четверть русским (потомок эмигранта) и приезжает в Россию, исполненный миссионерского пыла... Разговоры о судьбах России на страницах романа не утихают. Волнуют они и писателя Ильдуса Галимзянова, и бывшего «воина-интернационалиста», воевавшего в Анголе, а ныне — заведующего кафедрой исламского мистицизма Линора Завируллина, и даже самого Ак Буре...

И последнее замечание — скорее, рецензионное.

«Ак Буре» предваряет предисловие, в котором автор делится историей написания романа, указывает на прототипы героев либо — как в случае с писателем Галимзяновым — на отсутствие оных... Это, на мой взгляд, излишне. Роман написан динамично, не переусложнен ни информативно, ни стилистически, и вряд ли требует какого-то пояснения.

А вот «Русскому иероглифу» именно такое предисловие как раз бы не помешало¹. Нет, не по причине сложности текста — он как раз предельно прозрачен и легко читаем. А вот о самой книге и истории ее появления как раз стоило бы рассказать.

---

¹ Короткое вступление «О чём эта книга. О ком эта книга. Зачем эта книга» рассказывает больше о серии Архангельского «Счастливая жизнь», в которой вышел «Русский иероглиф», чем о самой книге.

Дело в том, что книга воспоминаний Инны Ли уже выходила в 2019 году в Китае на китайском под названием «Цветёт калина». Упоминается в Сети и название ее русской версии «Москва — Пекин», подготовленной Инной Ли. Судить, как оба этих текста — изданный китайский и, похоже, неизданный русский соотносятся с «Русским иероглифом», не могу¹. Судя по откликам, как-то они от него отличались: состояли из рассказов, поясняющих семейные фотографии... В любом случае, почему потребовался еще один вариант воспоминаний Инны Ли и какова была в этом роль ее русского соавтора Александра Архангельского, стоило бы в предисловии как-то прояснить².

Но заканчивать на этой критической ноте не хотелось бы — как и на дежурной фразе, что, «несмотря на отдельные недостатки...» Нет, скорее тянет отвести «съёмочную камеру» куда-то в сторону, от двух этих книг, и показать... Что — пока еще не ясно. Жизнь становится все кучерявее и непредсказуемее, и литература снова ищет свое место в ней. Новые темы, новый язык. Людские массы подняты со своих насиженных и надыханных мест и приведены в движение. Куда качнется маятник русской прозы — в сторону большего интереса к другим культурным мирам и пространствам, или же к полюсу большей замкнутости и самодостаточности? Знак вопроса. Многоточие.

---

¹ «Цветёт калина» я не видел — а даже если бы и видел, вряд ли много бы чего понял: китайским фактически не владею.

² А также упомянуть воспоминания матери Инны Ли, Елизаветы Кишкиной, «Из России в Китай: путь длиною в сто лет», вышедшие в издательстве «Шанс» в 2018 году. Очень любопытные.